

УДМУРТЫ: ПРИСОЕДИНЕНИЕ И МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Удмурты (в исторических источниках *ары, аряне, арские люди, отяки, вотяки*) – один из финно-угорских народов Урало-Поволжья. Издревле хозяйствуя в лесной зоне, удмурты успешно адаптировались к занимаемой экологической нише, используя для жизнеобеспечения разнообразные биологические ресурсы, они следовали принципу «не навреди» и руководствовались ресурсосберегающими моделями хозяйствования¹.

Присоединение удмуртского этноса к Русскому государству началось в последней четверти XV в. с окончательным покорением Вятской земли в 1489 г. войсками Ивана III и принесением присяги (роты) арскими князьями, представлявшими все подвластное им население, в том числе и северных удмуртов². Завершился этот сложный и далеко не однозначный процесс лишь к 1557 г., когда было окончательно подавлено восстание в завоеванном в 1552 г. Казанском крае. Сентябрьский поход 1552 г. на Арскую землю русского войска, в течение 10 дней подвергавшего ее опустошению³, убедил арских людей принять единственно возможное в сложившихся обстоятельствах решение, обеспечивавшее выживание разбежавшихся по лесам представителей этноса, – бить челом московскому царю и просить о помиловании. Поход на Арскую землю и разгром части ханского войска, оставшегося за стенами Казани и постоянно нападавшего на станы русского воинства, имел стратегическое значение и в немалой степени способствовал падению Казани, лишенной в итоге какой бы то ни было поддержки извне. После взятия Казани, еще до совещания Ивана IV с членами Избранной рады о дальнейшей судьбе народов ханства, арские люди прислали в Казань «казаков Шемяда да Кубиша з грамотою, чтобы государь их, черных людей, пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари»⁴. Согласие платить ясак – основную в условиях разгромленного Казанского ханства подать – означало решение принять российское подданство. Население Арской земли дало шерть (присягу на верность) новому сюзеру – русскому царю. Возможно, это был договор между Арской землей и Русским государством, оговаривавший права и обязанности сторон. К этой мысли нас склоняет сохранившаяся опись царского архива XVI в., в которой отмечены «грамоты шертные всея Казанские земли», а также «грамоты и шертные записи» отдельных народов⁵.

Однако после декабря 1552 г., когда русская власть начала сбор ясака и продемонстрировала не меньшую склонность к злоупотреблениям, чем представители казанских ханов, среди удмуртов стало расти недовольство. Царственная книга без обиняков возлагает ответственность за восстание на царскую администрацию: «А бояром приказал государь без себя о казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от великаго такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша dokonчати и возжелаша богатества... а Казанское строение поотложиша»⁶. Отметим, что в 1552 г. арские люди попытались сохранить верность своей шерти, схватили и выдали инициаторов восстания «Тугаевых детей с товарищами» (всего – 38 человек) и уплатили сполна ясак⁷. Попытка сбора оставшейся части ясака в марте 1553 г. завершилась разгромом воеводских отрядов, пленением воеводы Б.И. Салтыкова. В Арской земле началось повстанческое движение, исход которого был фактически предрешен. После ряда карательных походов московского войска, отличавшихся особой масштабностью зимой 1554 г., восстание на Арской стороне было подавлено⁸. Арские предводители заявили о своей покорности, к «шерти» были еще раз приведены и многие

* Гришкина Маргарита Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

«черные люди», но летом восстание возобновилось. Против повстанцев был направлен отряд под командованием И.Ф. Мстиславского, карательные действия развернулись по всей Луговой стороне Волги. Наряду с карательными мероприятиями правительство небезуспешно стремилось посеять рознь между разными социальными группами повстанцев, привлечь к борьбе с восстанием верхи местного населения. В итоге осенью 1555 г. были перебиты многие предводители: князья, казаки, мурзы и «инородческие» сотные князья. Тем не менее в мае 1556 г. воеводы П. Морозов и Ф. Салтыков вновь опустошили все Арские места, «воевали безчисленно много и полон имали, женки да робята, а мужиков всех побивали, и Арскую сторону всю и Побережную до конца в нуже учинили»⁹. К маю 1557 г. силы повстанцев были предельно истощены.

Южные удмурты (арские люди) наряду с другими народами бывшего Казанского ханства в мае 1557 г. еще раз принесли шерть и просили «учинить их в холопстве и ясаки с них имати». Для приведения «к правде» усмиренной Казанской земли был направлен стряпчий Семен Ярцов, с объявлением того, что «ужасы ратные миновались, и что народы... могут благоденствовать в тишине как верные подданные белого царя»¹⁰. «Черных людей», т.е. крестьянскую массу, к шерти приводил боярский сын Образец Рогатый. Торжественные акты закрепления Казанской земли в Российском подданстве завершились тем, что в Москву с Семеном Ярцовым прибыли сотные князья Казимир, Кака (вероятно, Куака – удм., «ворона». – М.Г.) и Янтемир с товарищами, очевидно, представлявшие все народы покоренной левобережной стороны Волги, в том числе и южных удмуртов. Иван IV торжественно простил им «все вины» и дал жалованную грамоту, определявшую, как им «государю впредь служить»¹¹.

Как и другие мятежные народы левобережья, удмурты не получили особых пожалований и льгот, как, например, народы Горной стороны (чуваши и горные марийцы), мирно вошедшие в состав России в 1551 г. Они на 3 года были освобождены от уплаты ясака¹². Более того, в процессе подавления восстания удмурты потеряли значительную часть своей социальной верхушки: в живых остались, как отмечают летописи, преимущественно «убозие земледельцы», т.е. податная крестьянская масса. Остатки удмуртского социума представляли собой дезорганизованные, рассеянные на значительном пространстве анклавы, которым предстояло пройти непростой процесс самоорганизации, восстановления необходимой для существования в качестве самостоятельного этноса структуры, а затем и адаптации к социально-политическим, фискальным и культурным реалиям Русского государства, значительно отличавшимся от реалий покоренной Вятской земли и разгромленного Казанского ханства. Предстояло в кратчайшие сроки выработать такие модели поведения, которые позволили бы народу выжить в новой социокультурной среде, восстановить свою численность, обеспечить более или менее успешную жизнедеятельность, т.е. «проявить способность приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой»¹³. Взаимодействующими силами в этом процессе социально-политической, этнокультурной и психологической адаптации стали правящие органы Русского государства: царь и представители местной власти – удмуртские и русские крестьянские общины, возникавшие по мере распространения колонизационных процессов на территории преимущественного расселения удмуртов. В силу специфики дошедших до нас источников мы имеем большее представление о северных, вятских удмуртах, нежели о южных, хотя последние отличались численным превосходством и были в период присоединения значительно активнее.

Русское правительство начало с административно-территориального устройства вновь приобретенных территорий. Северные удмурты оказались в Хлыновском уезде, а южные – в Казанском. На Вятке, как и в большинстве районов Русского государства, управление было вверено наместникам, представлявшим власть великого князя, а затем и царя. В Казанском крае, где сохранялась высокая вероятность новых восстаний, была установлена военная власть: Москву представляли воеводы, опиравшиеся на гарнизоны крепостей, существовавших еще во времена ханства и вновь построенных.

Вследствие неоднократных карательных походов Арская земля лежала в развалинах. Угодья в центре Арской земли, в районах Заказанья, покинутые бывшими их

владельцами, раздавались русским помещикам и крестьянам, спешно устраивались новые крепости. В апреле 1557 г. новый казанский воевода П.И. Шуйский доносил в Москву, что он распорядился поставить на Каме, в Лаишеве, город, устроив в нем стрельцов, и повелел пахать пашню в его окрестностях, так же, как и в окрестностях Казани, «по пустым селом» русским людям и новокрещенам¹⁴. Во вновь построенных и старых городах-крепостях поселялись управленцы и представители военно-служилого сословия. Земли вокруг Арска были пожалованы русским служилым людям, казанскому митрополиту, монастырям. По переписной книге 1646 г. по Арской дороге числилось 99 дворов помещиков, мурз и служилых новокрещенов, в них проживали 322 человека мужского пола, а также 404 человека дворовых людей и тяглых крестьян. По Зюрейской дороге было зафиксировано 203 двора служилых людей, они владели 752 крестьянскими душами. С XVI в. шло формирование по Каме и в низовьях Вятки дворцовых волостей, притягивавших население из разных районов государства. Вятская земля усиленно осваивалась выходцами с территории русского Поморья, Перми Великой¹⁵. Правящие круги рассматривали колонизацию новых пространств русским населением как важнейший способ постепенного создания социальной и этнической однородности с остальной территорией страны.

Таким образом, отмеченные В.В. Трепавловым кардинальные перемены, выражавшиеся в том, что присоединенные народы «сталкивались с новыми политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев – русских, которые селились в основанных ими городах и деревнях»¹⁶, в полной мере коснулись удмуртов и территории их расселения.

На первых порах удмурты, не имея возможностей и воли к самоорганизации, в качестве механизма адаптации избрали курс на мимикрию и самоизоляцию. Ради сохранения своей традиционной культуры и идентичности они отказывались от возможных межэтнических контактов, стремясь слиться с окружающей природной средой, уходили в лесные дебри, на верховья Камы и Вятки, а также в северо-западную Башкирию. Избегая столкновений с представителями власти и пришлым населением, они покидали ранее освоенные земли. Отстаиванию своих угодий и налаживанию соседских отношений с пришельцами удмуртские земледельцы предпочитали трудоемкий и чрезвычайно затратный процесс разработки под пашню лесных массивов. О том, насколько длительным, постепенным было освоение пашни на новых местах расселения, свидетельствуют материалы писцовых описаний. Так, в 1615 г. в Лужановском стане, расположенном в верховьях р. Вятки, где удмурты жили издревле, на 1 двор приходилось 6.12 десятин пашни и 1.13 десятин сенокоса, в бассейне среднего и верхнего течения р. Чепцы, куда они переселялись со среднего течения и верховьев р. Вятки, а также низовьев р. Чепцы, крестьянский двор имел 3.5 десятин пашни и 0.77 десятин сенокоса¹⁷.

Миграционные процессы привели к тому, что численность удмуртов, попавших под официальный учет, была незначительной: даже к 1631 г. разрядные книги отмечали в Казанском уезде всего 983 двора «вотяцких ясашных людей»¹⁸. Неудивительно, что представители власти, включая «арян» и «вотяков» в число своих подданных, не особенно дифференцировали их от других этнических групп населения, тем более, что социальная элита, призванная представлять этнос, почти отсутствовала. Информация о северных удмуртах не попала в писцовые книги Вятки 1503–1504 гг., составлявшиеся писцами Григорием Коробыным и Федором Ушаковым: в грамоте Ивана IV от 28 января 1551 г. удмурты, жившие в бассейне Чепцы, были отнесены к числу «неписменных людей»¹⁹. Сведений о них нет и в дошедших до нас сотных выписях из писцовых книг Богдана и Саввы Григорьевых, описывавших Вятскую землю в 1589/90 гг. В Казанском уезде, как известно, писцовые описания и переписи проводились в 1562–1563, в 1565–1568, 1602–1603 гг., однако южные удмурты не упоминаются ни в одном из сохранившихся фрагментов этих делопроизводственных материалов²⁰. Способность удмуртов быстро исчезать при появлении иноэтничных соседей нашла яркое отраже-

ние в оценочных гетеростереотипах русских жителей края: удмуртов стали называть «серой мышью», сложились поговорки «вотяк бежит от русского, все равно что мышь от кошки», «вотяк любит прятать (расчищать под пашню лес. – *М.Г.*), а русский – на готовом стряпать»²¹. Таким образом, для русского населения, осваивавшего территорию расселения удмуртов, не возникало необходимости социально-психологической адаптации в новой среде, последняя почти отсутствовала, облегчалась и экологическая адаптация, поскольку мигранты прибывали преимущественно с территории Поморья, расположенного в той же природно-климатической зоне.

Необходимо отметить, что правительственные органы не спешили в корне изменить положение своих новых подданных, демонстрируя стремление к сохранению сложившегося «статус-кво». Так, карийские арские князья, вывезенные в Москву в 1490 г., были возвращены назад, на Вятку. Признав сюзеренитет великого московского князя и обещая ему верную службу, они сохранили былую власть над северными удмуртами, бесермянами и татарскими крестьянами, получили новые земельные угодья, преимущественно промысловые и охотничьи, в бассейне р. Чепцы. Для обеспечения их преданности и закрепления Вятской земли в составе Великого Московского княжества власть предприняла дополнительные меры: в отношении нерусского населения севера Удмуртии, прежде всего арских князей, стал действовать податной и судебный иммунитет. Очевидно, тарханские грамоты начали выдаваться вскоре после присоединения Вятского края к Московскому княжеству, еще в правление Василия III: первая дошедшая до нас жалованная несудимая грамота датируется 1510 г. В дальнейшем выдачу подобного рода грамот продолжало правительство Ивана IV. В зависимости от социально-политической обстановки и конкретных целей московской власти объем иммунитетных прав то расширялся, то сужался. Ивану IV принадлежит инициатива выдачи «бережельных» грамот не только самим арским князьям, но и подвластному им населению: в ответ на жалобы о том, что русские жители Вятки «бьют, и грабят, и обиды чинят многое» удмуртам и бесермянам, живущим во владениях арских князей, 28 августа 1551 г. на Вятку была отправлена указная «с прочетом» грамота русским крестьянам, чтобы они «тех вотяков без нашего ведома однолично не воевали и не грабили». За нарушение указа верховная власть грозила вятчанам «опалой и продажей»²².

Политика заигрывания с «инородческой» социальной верхушкой Вятской земли продолжалась вплоть до последней четверти XVI в., до тех пор, пока не стабилизировалась обстановка в завоеванном Казанском крае: не случайно реформы в Вятском уезде совпали с окончательным подавлением в 1584 г. последнего восстания казанских людей. Как только необходимость в услугах арских князей как посредников между центральной властью и вновь присоединенными к Российскому государству народами пропала, правительство лишило их тарханских прав и привилегий и включило в состав черносошных крестьян. Более того, в ходе реформы 1583–1588 гг. на севере Удмуртии права экстерриториальности добились их бывшие крепостные – удмурты и бесермяне, отведенные «судом и пошлиною» от карийских мурз. Вятские воеводы и их помощники не имели права въезжать в Каринскую волость «ни по что», валовый оброк «за все, про все», первоначально составлявший 500 руб., население волости обязывалось привозить непосредственно в Москву, в четь Андрея Щелкалова. Здесь же один раз в год, «на Сретенье», рассматривались судебные дела, касавшиеся удмуртов и бесермян. Любопытно, что этот опыт экстерриториальности позднее был, правда, на довольно короткий срок, использован и в отношении южных удмуртов: в 1672 г. казанский воевода Голицын дозволил арским удмуртам собирать ясачные деньги и привозить в Казань, выбирая для этого «лучших и зажиточных людей» из своей среды. Это же условие было в какой-то степени повторено в наказе 1697 г. казанскому воеводе Львову, в котором рекомендовалось не посылать в ясачные волости «служилых людей, бояр и детей боярских» для изъятия запрещенных к употреблению вина и табака²³.

Подавив восстания казанских людей, в конце XVI–XVII вв. в отношении мятежных народов московская власть действовала осмотрительно. В наказах казанским воеводам,

как правило, декларировалась необходимость «жить с великим бережением, держати ласка и привет, насиловства, налогов и продаж и убытков ни в чем не чинить и посулов ни у кого ни от чего не иметь». При этом достаточно откровенно указывалась и причина: «чтобы оне (ясачные люди: чувашы, марийцы, удмурты. – *М.Г.*)... измены не завели и никакова дурна не учинили». Правда, кроме декларируемой заботы и «береженья», в наказах рекомендовалось осуществлять превентивные меры, призванные обеспечить покорность: не выпускать ясачных людей из их селений и волостей без особого на то разрешения, держать самых «крепких, владетельных и семьянистых в аманатах» (заложниках) в Казани, запретить среди них кузнечный и серебряный промыслы, ввести жесткие ограничения на продажу «заповедных товаров: пансырей и шеломов, сабель и железец стрельных» и осуществлять постоянную тайную слежку за поведением, настрояниями и возможными связями с прихожими и приезжими: крымскими и ногайскими людьми, черкасами, калмыками и казаками. Всех подозрительных «воровских людей» следовало «пытать накрепко и огнем жечи». Кроме того, наказывалось держать в постоянной исправности и готовности «городовые крепости» и их гарнизоны из ратных людей – «стрельцов и всяких ружников», своевременно пополнять их и обеспечивать денежным и хлебным жалованьем²⁴.

Власть шла на компромиссы и в других вопросах. Восстановлению и росту численности, смягчению процесса социокультурной перестройки удмуртского общества в немалой степени способствовало освобождение мужского населения от военной службы. Как известно, до введения рекрутской повинности все ясачные крестьяне Поволжья во время военных действий поставляли даточных людей. По сведениям разрядной книги 1631 г., в Казанском уезде насчитывалось 6405 дворов чувашей и марийцев, «которым бывает служба, посылают... в большую повальную службу с трех дворов по человеку». Удмуртов в уезде было учтено всего 983 двора. Ввиду такой малочисленности и, по всей вероятности, по неоднократным просьбам удмуртских общин, правительство предпочло денежную форму компенсации за даточных воинских людей: «На службу их не посылают, потому что емлетца с них в государеву казну перед черемисою лишней ясак»²⁵.

Северные удмурты, направляя многочисленные челобитные во все инстанции, упорно добивались распространения этого положения и на них. В 1678 г. поставка даточных людей с карийских удмуртов и бесермян также была заменена денежной податью в размере 1 руб. с выти²⁶. Таким образом, правительство учло особенности менталитета удмуртов, отличавшихся замкнутым и миролюбивым характером. Удмуртские общины для избавления от службы на чужой стороне и участия в военных действиях готовы были на значительные денежные сборы. После введения Петром I рекрутской повинности удмуртским крестьянам некоторое время так же удавалось добиваться замены ее денежными взносами. С 1709 г. по решению казанского губернатора, в отличие от русских крестьян, «вместо работников к городovým делам были положены сбором деньги и вместо рекрут... збирается с них по полтине с ясака»²⁷. Судя по всему, решение казанского губернатора о замене поставки рекрутов и работных людей с южных удмуртов денежным сбором поддержал и царь: в мае 1713 г. казанский губернатор принял к сведению указ Петра I о сборе и присылке вместо рекрутов «полтинных денег»²⁸.

С течением времени удмурты перестали безропотно уступать земельные угодья, на которые претендовали пришедшие русские крестьяне, вступая с ними в судебные тяжбы и затевая «московскую волокиту» по поводу пашни и сенных покосов. Одно из самых ранних дошедших до нас такого рода судебных дел относится к 1598 г., когда в состязательный судебный процесс в форме «поля» вступили представители удмуртов Каринского стана и русских крестьян Чепецкого стана. Процесс выиграли удмурты: Степанко Онисимов «хотел пойти на пожню с образом, да не пошел, а сказал, что с образом пойти на пожню не можно»²⁹.

Формой самоорганизации и самоконструирования удмуртского населения стала крупная община, соответствующая по своим функциям и устройству севернорусской общине-волости: на севере Удмуртии это была община-доля, на юге – община-сотня.

По аналогии с поморскими и сибирскими материалами и по дошедшим до нас «владенным выписям» можно предположить, что наряду с этими крупными коллективами и внутри них существовали деревенские общины.

Становление и совершенствование общинной организации удмуртов происходило в течение длительного времени. Не исключено, что общинные объединения с определенной территорией и функциями управления существовали у удмуртов задолго до присоединения к Русскому государству³⁰, однако массовые миграции, сопровождавшиеся утратой прежней территории, распадом социальной структуры, привели к дезорганизации этих сообществ. На новых местах расселения они воссоздавались постепенно, по мере роста населения и освоения пригодных для земледелия угодий. Дозорные книги 1615 г. зафиксировали на севере Удмуртии удмуртов каринских и «верх Чепцы реки». В писцовых книгах 1629 и 1646 гг. различаются уже три группы: удмурты каринские, чепецкие и верхочепецкие³¹. Впервые налогооблагаемые единицы (доли) четко фиксируются в переписи 1662 г. приставных дворов удмуртов и бесермян³². По подворной переписи 1678 г. выделялись удмурты каринские (19 селений, 144 двора, 714 душ мужского пола) чепецкие (47 селений, 546 дворов, 2 713 душ мужского пола) и верхочепецкие (52 селения, 556 дворов и 2 504 налогоплательщика)³³. Как видим, эти общинные объединения не были равнозначными. По мере разрастания территории и возрастания численности населения общины дробились. В 1717 г. выделялось уже 6 долей: в Каринских удмуртских первой и второй долях было 30 селений, 260 дворов и 1 064 душ, в Чепецкой нижней доле – 75 селений, 535 дворов и 1 748 душ, в Чепецкой верхней доле – 84 селения, 565 дворов и 1 850 душ, в Верхочепецкой V доле – 72 селения, 747 дворов и 1 485 душ. Проводивший первую ревизию полковник Сонцев-Засекин разделил Верхочепецкую V долю на две: V Пургинскую и V Игринскую, в которых соответственно оказалось по 47 и 32 селения и 2 575 и 1 970 душ мужского пола. В 1762 г. самыми крупными были Чепецкая нижняя (84 селения, 5 127 душ), Чепецкая верхняя (103 селения, 5 989 душ) и Верхочепецкая V Пургинская (78 селений, 4 655 душ) доли³⁴.

Не менее крупным образованием была община-сотня южных удмуртов. По сведениям наиболее ранней дошедшей до нас подворной переписи 1710 г., в Ямайковой сотне Досмякеева было 58 селений, в Пронкиной сотне Янмурзина – 84, в сотне Тотайки Иванова – 68, в сотне Андрея Байтемирова – 57, в сотне Токбулата Рысова – 47, в сотне Бегаша Ямеева – 62 селения. В 1716 г. в первой из названных сотен было зафиксировано 3 546 человек обоего пола, во второй – 4 679, в третьей – 1 722, четвертой – 1 956, пятой – 2 689, шестой – 3 667 человек³⁵.

С возрастанием численности населения на основе существовавших объединений возникали новые общины. Так, третья ревизия (1764 г.) зафиксировала 20 сотен южных удмуртов (вместо 6 в 1710 г.), различающихся по числу дворов и населения. На севере в самостоятельные общины оформились многочисленные концы, десятки, стороны, которые пришли на смену общине-доле. Вот как, например, обозначались некоторые общинные объединения в последней четверти XVIII в.: «Глазовской округи Тимофеевой сотни Васильева Утинской волости Юберевских деревень деревня Юберевская», «Глазовской округи Верхочепецкой нижней доли Дизминской стороны деревня Ядгуретская», «Глазовской округи Глазовской стороны нижней сотни Качкашурского и Безумского десятков деревня Качкашурская» и т.д. Как правило, создание новой общины инициировали сами крестьяне. Так, 7 марта 1769 г. Слободская воеводская канцелярия рассматривала доношение выборных от мирских людей Верхочепецкой нижней доли Бalezинского конца Подборновского десятка Ф. Касаткина и П. Русских, представивших мирской приговор от имени 207 душ мужского пола, которые желали отделиться от Бalezинской стороны «платежем подушных денег и протчих государственных податей особо»³⁶. Как отмечали крестьяне, причиной такой трансформации стала невозможность проведения мирских сходов и других общинных мероприятий из-за удаленности селений друг от друга.

Для обеспечения взаимодействия с властью крестьяне-общинники на больших мирских советах избирали из своей среды руководство общины: старост, целоваль-

ников, десятских, мирских счетчиков. Однако роль защитницы крестьянских интересов удмуртская община выполняла, преодолевая большие трудности и препятствия. Власть рассматривала представителей мирского самоуправления прежде всего как проводников своего влияния на крестьян, главной задачей которых была раскладка и своевременное взыскание податей, а также обеспечение «мира и тишины». В удмуртских общинах на эти должности устремились потомки бывших арских князей, традиционно представлявшие удмуртов и бесермян перед московским правительством, а во второй половине XVII в. отчаянно боровшиеся за сохранение монопольного права «старостить» и толмачить в удмуртских долях и использовавшие свое положение для захвата общинных угодий, мирских денег и закабаления крестьян³⁷. Попытки оттеснить последних от выборных общинных должностей и толмачества завершались тем, что удмуртские претенденты на лидерство оказывались в тюрьме, будучи битыми «кнутами и батогами»³⁸.

Подобный беспредел стал возможен благодаря созданию и укреплению в каждой общине специфической прослойки «коштанов, ушников, горланов и ябедников», как называют их удмурты. В воссоздании и расширении данной прослойки в качестве своей социальной опоры была заинтересована и власть, поручавшая ей следить за «своей братьей» крестьянами, докладывать о назревающих «шатостях, измене» и других противоправительственных поступках и намерениях: нарушении запрета на изготовление металлических изделий, утайке дворов и душ от переписей и ревизий, сокрытии «пашни наездом» и т. д. Удмуртские крестьяне всеми способами пытались этому противостоять. Так, битые батогами по приговору сыщика Саввы Сандырева «ябедники и коштаны Федка Павлов с товарищи» дали в 1699 г. поручную запись, что «им впредь не ябедничать, не ушничать и не коштанить, и никаких нападков, беды, и разорения никаких на мирских людей не наводить и тягостей в мир не чинить»³⁹. Тем не менее отмеченная социальная прослойка сохранялась как заметное явление и в дальнейшем. Так, в 1724 г. удмурты Верхочепецкой нижней доли направили в Петербург Тукташа Кадрекова бить челом о злоупотреблениях хлыновского комиссара Филиппа Коробова. Исполнявший в 1723 г. обязанности сборщика, Иван Павлов игнорировал требования общины о предоставлении отчета о расходе мирских денег. Наконец, два рассыльщика взяли его «неволей» и повели в д. Уканскую. На сходе перед собравшимися «били его плетью» и спрашивали: «Сколько ты дал мирских сборных денег Филиппу Коробову?»⁴⁰. Чтобы замести следы перед неизбежным расследованием в случае появления челобитного, Коробов послал на «мирской совет» доли в д. Чабыровскую подрядного подьячего Ивана Ардашева. Последний предложил крестьянам помириться с Коробовым «во взятках», обещая за это не требовать с общины «доимочных рекрут». До нас дошло любопытнейшее письмо, в котором Ардашев отчитывался перед патроном в исполнении возложенной на него миссии. «По тому твоему слову совет был в деревне Чабыровской мая 3 дня. В народе сказал, и вторили толмач Иван Тукташев, також Иван Федоров, Сидор Сивков, Гриша Феткин и другие многие, более половины, что мирятца, а другие невеликие люди: мы-де к такому делу приложить свои бортные пятна опасны, не принять-де бы великого истязания. И мы уж весьма о таком деле твердили, да никак не могли перемочь». Как видим, несмотря на все старания Ардашева, верх взяли не коштаны, а рядовые общинники⁴¹.

В этой сложнейшей обстановке мерой, которая должна была сплотить общину, усилить единство перед властью и ее агентами, было заключение так называемых «одинашных записей». Такие записи составлялись в экстремальных случаях, когда грозила серьезная опасность, и принимались на большом мирском совете всех деревень. Тексты записей типичны: «быть заодно», ни в чем друг друга не выдавать, выбирать в руководители общины только «свою братью» – удмуртов и бесермян, защищать представителей выборной власти от утеснений и нападков воевод и приказных служителей, в вынужденных издержках на мирские нужды и в кабальных займах «не подать и очищать». Решение заверялось тамгами всех присутствовавших на сходе дворохозяев. Так, при заключении «одинашной» удмуртами Чепецкой нижней доли в 1670 г. на мирском

совете в д. Солдарской присутствовали 282 человека, представлявших интересы «всех тое Чепецкой доли отяков и бесермян, лутчих, и середних, и молотчих людей»⁴². Соответственно, в конце документа было «бортных отяцких мирских пятен то же число приложено». Заклячая коллективный договор, удмурты-общинники распространяли его условия и на последующие поколения: «После нас кто будет жить – ни детям нашим, ни внучатам, ни правнучатам, ни роду нашему, ни племени ни в чем не лживить и не спорить, потому что мы, мирские люди, запись писали волею, со всего большого мирского совету»⁴³. В 1698 г. в д. Дондинской, «одинашную» заключили удмурты Чепецкой нижней доли. Настойчивые и успешные попытки отторжения удмуртских земель каринскими татарами и русскими крестьянами, активизация внутри общин «ябедников, ушников и наговорщиков» снова заставили крестьян попытаться найти единую линию поведения: «О таких делах стоять миром и друг друга в том ни в чем не подавать», толмачей, старост и целовальников «выбирать по любви из своей братьи, отяков»⁴⁴.

Однако проблема удмуртской общины как формы самоорганизации и одного из механизмов адаптации заключалась не только в отсутствии единства и стремлении каринской татарской верхушки к власти и манипулированию мнением общинников, но и в том, что среди удмуртов и бесермян немногие пожелали взять на себя исполнение мирских должностей, особенно обязанностей старосты и целовальника. Показательно дело каринского бесермянина Кармаклея Аюбашева, жаловавшегося, что целовальник бесермянской доли Д. Алеев «с невеликими мирскими людьми, по насердию своему» выбрал на свое место его брата: «А ему, брату моему, в тое Каринской бесермянской доле в целовальниках быть невозможно, и не в очередь, потому что отец его и брата моего братенник были в целовальниках в недалних годах»⁴⁵. Из дела явствует, что при избрании на мирские должности, которые рядовыми общинниками воспринимались как неизбежная и громадная «тягость», община соблюдала очередность. Однако выбор был не слишком велик: избираемый должен был быть человеком «добрым», т.е. умным, волевым, предприимчивым и здоровым, поскольку на представителей мирской власти в первую голову обрушивался аппарат насилия. Они должны были постоянно взаимодействовать с властными структурами и обеспечивать высокий уровень их притязаний за счет сборов с общинников, их первыми ставили «на правез» в случае несвоевременной уплаты податей. Поставленные «между Сциллой и Харибдой», они должны были проявлять чудеса изворотливости, смекалки, не говоря уже об отличном знании русского языка и основ российского законодательства, не претендуя при этом на вознаграждение со стороны мира. Община взамен обещала лишь поддержку, преимущественно материальную, в экстремальных ситуациях, но строго спрашивала за нарушения норм обычного права и общинной морали.

О том, насколько сложной оказывалась в этой обстановке судьба удмуртов, вызвавшихся взять на себя руководство, свидетельствует дело Тукташа Юрегова. Обеспеченный и влиятельный, он в 1696 г. был избран в старосты Верхочепецкой V Пургинской доли. На следующий же год Юрегов начал борьбу за размежевание доли с соседней Чепецкой верхней долей и с Казанским уездом и за выселение каринских татар, захвативших здесь значительные земельные угодья. Ему пришлось потратить немало мирских денег на «подарки и поноски» в московских приказах, без которых не открывалась ни одна дверь. Однако его мужественная борьба за интересы общины вызвала ожесточенное сопротивление каринских богатеев. В феврале 1698 г. удмурты Сила Кельдышев и Алексей Черевчиев били челом в Новгородском приказе о запрещении старостить Тукташу Юрегову, которого предлагали выслать в Москву в оковах. Новгородский приказ дал соответствующее распоряжение. В 1699 г. в приказе появился очередной челобитчик Аника Тукташев, обвинивший Юрегова в злоупотреблениях при распоряжении мирскими деньгами и просивший выслать его в Вятку вместе с сыщиком Саввой Сандыревым для расследования на месте. Таким образом, приказ действовал более чем непоследовательно: сначала он поддержал Тукташа Юрегова, через год запретил ему быть старостой и распорядился выслать его в оковах в Москву, еще через

год выслал в Вятку в качестве подследственного лица. Как предположил П.Н. Луппов, Новгородский приказ очень плохо разбирался во взаимоотношениях этнических групп крестьянства, а также во взаимоотношениях местной власти и крестьянских общин и пошел на поводу у татарской верхушки, жестоко мстившей Юрегову за его твердую позицию в защите интересов общины⁴⁶.

О правоте Луппова свидетельствует и история московского сыщика, дьяка Конюшенного приказа Саввы Сандырева. После успешного завершения сыска в пользу удмуртов каринские татары обвинили его во взятках, в разорении, пытках и даже в том, что на р. Чепце на плоту он поставил виселицу и вешал подследственных. В 1702 г. по этой жалобе Новгородский приказ начал расследование, направленное против Сандырева⁴⁷. Если объектом злобных нападок и беззастенчивой лжи стал московский дьяк, можно представить, насколько легче было уничтожить мирского выборного.

Тем не менее нельзя идеализировать поведение представителей мирской власти. Они нередко усваивали стереотипы поведения представителей власти. Так, в 1756 г. удмурты Арской дороги Уркиной сотни Тохтамышева жаловались в Малмыжской воеводской канцелярии на своего сотника Матвея Никитина в том, что он незаконно собирает при взыскании подушных денег по третям по 3 копейки с каждой души, а подати за 5 душ своего семейства целиком переложил на общину. Петра Алексеева, на которого был возложен сбор денег за «государевых лошадей», бил «смертельно» и собрал вместо положенных по этой статье 12 коп. по 50 коп. с каждой души. Среди других злоупотреблений крестьяне отмечали и многочисленные нарушения норм морали: его старший сын Максим «украл» жену у живого мужа, а младшего сына Матвея он обвенчал на «зговоренной девке», а для себя держит в доме беглую удмуртку Узю Адыргышеву. Попытки переизбрать сотника не имели успеха: Матвей Никитин «доживает, правит без... выбору, насильством своим»⁴⁸. Злоупотребления выборных представителей мирской власти иногда завершались даже гибелью общинников, пытавшихся отстоять свое мнение. Староста Игринской доли Чутырского конца Федор Иркешев на мирском сходе «за спор в разводе на мирские необходимые нужды денег» убил Василия Малых. Слободская воеводская канцелярия, расследовавшая это дело, приняла решение, снимавшее со старосты всякую ответственность: «Оной Малых умре волею Божьею»⁴⁹. Крестьянин д. Гординской Каринской доли Максим Ложкин в 1772 г. при расследовании дела на мирском сходе был забит плетью. Как показали общинники, староста «велел... десятником держать и стегал... немилостивно, и после того брал золы раза три и на стеганые раны сыпал»⁵⁰.

Несмотря на все перипетии, при возникновении конфликтов по поводу нарушения установившихся отношений между крестьянством и фискальными органами государства удмуртская община запускала в действие механизмы защитной адаптации, главной целью которых было сохранение старых, устоявшихся форм ренты. Для индивидуальной психологической адаптации было важно, что перед фискальными и другими тяготами крестьянин-удмурт оказывался не один, а был окружен своего рода защитной оболочкой – общиной. Даже если дело было проиграно безнадежно, общинник оказывался одним из многих проигравших, что значительно облегчало психологическое восприятие негативного факта. К тому же, в XVI–XVII вв. в столкновениях по поводу землевладения и сохранения освященных традицией взаимоотношений с властью общинам удмуртов в основном удавалось выигрывать. Так, несмотря на все попытки вятских воевод распространить на северных удмуртов общие для всей Вятской земли сборы, а русского населения – «притянуть» их к несению повинностей, удмуртские общины, хотя и с немалыми усилиями, добивались подтверждения грамоты от 1588 г. каждым взошедшим на престол новым царем. В конце XVII – начале XVIII в. каринские удмурты инициировали масштабные государственные сыски по поводу злоупотреблений вятских воевод и их приспешников – каринских татар – потомков арских князей, выразившихся в захвате земель, в закабалении многих удмуртов, вынужденных отрабатывать чаще всего «намученные» долговые обязательства, в захвате власти в удмуртских общинах. Доведенные до отчаяния удмурты смогли сплотиться и выделить

из своей среды лидеров, возглавивших борьбу и добившихся, несмотря на прямое насилие и сопротивление вятских воевод, положительного результата.

Челобитная о сохранении прежней экстерриториальности в податном отношении была подготовлена 1689 г. удмуртами и бесермянами Каринской доли, в Москву отправившись выборный удмурт Степан Люкин и целовальник Каринской бесермянской доли Иштерек Чибышев⁵¹. В 1694 г. была составлена челобитная от удмуртов Каринской, Чепецкой нижней и Верхочепецкой долей, которые выбрали четырех человек: Асыла Андреева сына Кимшина, Мишу Алексеева сына Люкина, Данила Богданова сына Марданова и Лучку Терентьева сына Худякова для ее подачи в Москве. Общины обеспечили своих посыльных деньгами на все необходимые нужды, челобитчикам были даны так же своеобразные гарантийные письма, дающие возможность в случае необходимости занимать деньги на любых, самых кабальных, условиях⁵². Челобитчики добились отправления на Вятку царской грамоты, поручившей решение всех вопросов воеводе Ивану Матушкину, который развернул настоящий террор против удмуртов. Потеряв надежду, каринские общины для нового этапа борьбы собирали силы почти четыре года. В январе 1698 г. на совет собрались удмурты всех общин Каринского стана и «со всего отяцкого совету» направили в Москву Нурыза Асанова и Камаша Тукташева «с товарищи». В помощь им общинники наняли русского человека – хлыновского площадного подьячего Андрея Харина. Поверенные повезли в Москву челобитную, в которой просили прислать для следствия о действиях приказных людей и каринских татар, для высылки последних с захваченных ими удмуртских земель из Москвы «доброе человека». Вокруг личности предполагаемого сыщика тоже развернулась длительная борьба, и только отчаянная решимость Нурыза Асанова, отправившегося в Воронеж и проникшего в походный шатер Петра I, позволила удмуртам сохранить желательную для них кандидатуру Саввы Сандырева, дьяка Конюшенного приказа, который хорошо знал ситуацию на Вятке, так как в свое время был дьяком при вятском воеводе Хилкове. Дело Сандырева в 1701–1704 гг. продолжил стольник А.И. Челищев. В результате этих сысков были в какой-то мере сняты копившиеся в течение многих десятилетий противоречия между населением и властью, обособленность удмуртских общин в податном отношении, пусть не в полной мере, но была восстановлена⁵³.

Перед правительственными сысками конца XVII – начала XVIII в. с неизбежностью встала задача упорядочения землевладения и землепользования удмуртских общин и разрешения тянувшихся десятилетиями земельных споров между ними и русскими крестьянами, каринскими татарами и духовными корпорациями. Дело в том, что заинтересованное прежде всего в прибыли и скорейшем освоении запустевших во время Смуты угодий правительство в XVII в. стало щедрой рукой раздавать желающим земли, за которые удмурты платили «валовой оброк» и считали «изстари, искони своими, вотчинными». Чтобы получить «данную память» на земли, достаточно было заявить в центральных органах власти, в Новгородском приказе или приказе Казанского дворца, что облюбованный участок лежит «впусте» и не приносит в государеву казну дохода. Именно таким путем исподволь сложилось обширное землевладение каринских татар в Верхочепецкой V Пургинской доле, а земельные угодья Чепецкой нижней доли оказались во владении верхочепецкого Воздвиженского монастыря и русских крестьян Чепецкого оброчного стана.

В связи с массированным внедрением в свои пределы удмуртские общины начали ожесточенную борьбу за сохранение земельного фонда. Несмотря на то, что пашни, покосы, усадьбные места находились в индивидуальном наследственном владении отдельных дворов, при посягательстве на сложившийся в течение веков комплекс угодий удмуртские общины выступали как единое юридическое лицо. Коллективные действия по охране общинных земель, как уже отмечались, были одним из обязательных пунктов «одинашных» записей.

В ходе правительственных сысков 1699–1704 гг. сложилась практика составления так называемых владенных выписей, определявших границы земельных угодий общин с детальным описанием их пространства. Характерно, что эти документы выдавались

не только общинам-долям, но и входившим в их состав отдельным деревням, что свидетельствует о сложном характере общинной организации удмуртского социума. В 1701 г. правительственный сыщик А.И. Челищев оформил «владенную» выпись на пашенные земли и сенные покосы д. Кожильской Верхочепецкой нижней доли, в 1703 г. такой же документ получили удмурты д. Заозерской Чепецкой нижней доли, в декабре 1703 г. была оформлена «владенная» выпись с детальным описанием границ всей Верхочепецкой V доли⁵⁴. Прерогативы доли в поземельных отношениях сильнее всего выражались в той стороне ее деятельности, которая исследователями называется «территориальной властью мира»⁵⁵: мирское руководство следило за тем, чтобы земельные угодья, прежде всего сенокосы и пашня, не перешли во владение не-членов общины, особенно татар. При этом общинники считали принадлежавшие им угодья родовыми и наследственными. «Искони вечно владели прадеды, и деды, и отцы вотчинными своими Верхочепецкой волости землями, и лесами, и санными покосы, и речками, и бобровыми гонами, и бортными и канежными угодья, и звериными, и птичьими ловлями и всякими угодья», — указывали удмурты Верхочепецкой V Пургинской доли межи землевладения своей общины⁵⁶.

Права общины-деревни и общины-доли на владение территорией бесспорно признавались и властью, которая отождествляла их с чернососной крестьянской волостью. В специальном «Наказе» писцам А. Толочанову и подьячему А. Иевлеву по составлению писцовой книги Каринского стана 1629 г. указывалось «переписать, сколько у которой волости лесов и всяких угодий», земля была закреплена за долей «искони вечно, по многим указам и по жалованным грамотам до писцов», а также по писцовым книгам.

Необходимо подчеркнуть, что в развернувшейся на рубеже XVII и XVIII вв. вокруг земельных угодий общин ожесточенной борьбе власть встала на сторону удмуртских крестьян. В результате сысков общинники добились значительных успехов: правительство признало незаконным землевладение тех татар, которые поселились на территории двух Верхочепецких долей после переписи 1678 г. Последние были высланы в Каринскую татарскую долю, а их деревни и починки переданы удмуртам. В то же время мир принял в свой состав удмуртов и бесермян из «ыных долей, которые в переписных книгах земли и дворы в той их доле написаны», при одном обязательном условии: «великого государя стрелецкие денги и всякое мирское тягло с тое пятой их доли платить по окладу вместе»⁵⁷. Эти и другие, более поздние источники убеждают в том, что удмуртские общины обладали реальной территорией, право на которую признавалось властью. Наличие согласия мира на подселение было предварительным, хотя и не всегда соблюдавшимся условием разработки пашни крестьянами-переселенцами. Это резервировало за удмуртской общиной определенное количество угодий, достаточное для ведения традиционного комплексного хозяйства, сочетавшего земледелие и животноводство с охотой, рыболовством и бортным пчеловодством, что облегчало социальную и этнокультурную адаптацию удмуртских крестьян к системе государственного феодализма.

В ходе сысков были также урегулированы поземельные отношения между чепецкими удмуртами и верхочепецким Воздвиженским и Спасским Усть-Святицким монастырями, которые в 1608–1636 гг. закрепили за собой большие участки пашни, сенокосов и рыбных ловель по р. Чепце и ее притокам — Саде и Святице. В 1701 г. сыщик Челищев получил наказ «розмежевать... Вятского уезду Воздвиженского монастыря земли с отяцкими и бесермянскими спорными землями»⁵⁸.

Адаптировавшись к особенностям политики, проводимой сословно-представительным государством в конце XVI–XVII вв., выработав механизмы отстаивания своих интересов, в первой четверти XVIII в. удмуртский социум вынужден был снова трансформироваться: реформы Петра I в корне меняли сложившиеся отношения. В ходе губернской реформы, когда Вятский уезд вошел в состав Сибирской губ., податное положение каринских удмуртов и бесермян подверглось серьезным преобразованиям. Стольник Степан Траханиотов, проводивший подворную перепись 1710 г., приверстал все нерусское население к Хлынову, а с 1713 г. они оказались в ведении слободского воеводы. Каковы были последствия правления вятских и слободских воевод, население

Каринской волости описало в своей челобитной, направленной в Сенат. Уже правление хлыновского воеводы, по словам челобитчиков, обошлось им дополнительно «рубля по полтора с двора». Нескончаемую цепь поборов вызвало появление в роли слободского коменданта И.И. Немтинова – ставленника сибирского губернатора М.П. Гагарина. Как писали удмурты, Немтинов затеял вторичную перепись населения и «писал пустые и скоцкие дворы, одних жильцов вдвое». В доходную статью была превращена и доставка податных денег в казну: «А которые с нас зборы збираютца в твою государеву казну, и тех денег на дворе своем велит принимать... Да он же берет с нас за всякую отсылку по 100 рублей». Подводя итог всем нападкам и разорениям, перенесенным от Немтинова и его помощников, удмурты писали, что за год переплатили ему 4200 руб., отсылая для подтверждения своих слов к имеющимся в каждой общине расходным книгам. Надо отдать должное смелости доведенных до отчаяния челобитчиков: требуя проведения немедленного розыска о действиях Немтинова и сибирского губернатора, удмурты грозили правительству бунтом «не только иноземцами Вятского уезду, но и всеми русскими людьми»⁵⁹. Несмотря на то что Сенат полагал, что «вышеписанное челобитье от малых людей», жалоба не осталась без внимания. Очевидно, в обстановке продолжающегося восстания башкир угроза волнений со стороны вятских «иноземцев» казалась реальной, и в 1715 г. в Каринскую и Верхочепецкую волости из Петербурга был направлен стольник Петр Кошкарев с поручением «про все вышеписанное разыскать, кем надлежит, вправду, не норовя в том никому ни для чего»⁶⁰. Скооперировавшись с жителями Бешкильской, Масленской слобод и Архангельского и Шадринского пригородов Тобольского уезда, удмуртам удалось добиться смещения Немтинова и даже самого Гагарина⁶¹, однако в фискальном их положении мало что изменилось. Уже к 1716 г. податной оклад в 1 550 руб., положенный на них с учтенного числа дворов, возрос до 6 547 руб. Кроме того, 1 500 руб. составили запросные сборы. В ходе подушной переписи 1720–1722 гг. в стане было выявлено новопоселенных 931 двор, за которые было взыскано еще 7 119 руб. Сверх того, хлыновские посадские люди притянули население волости к платежу десятой деньги и других «купецких податей и служб в равенство»⁶². Характерно, что удмурты беспрекословно соглашались платить в казну и подушный сбор, и деньги «за пиво явочное, и медоставление, и винное курение, и за рекрут, и десятую деньгу, и за продажу и мену лошадей» с единственным условием, чтобы все указанные деньги «збирать им самим и отдавать в указные места одною суммою». Эта оговорка вновь свидетельствует о том, насколько наклáдным оказывался произвол представителей местной власти и насколько удмурты дорожили правом экстерриториальности и доверием к ним верховной власти как к исправным налогоплательщикам.

Окончательное и бесповоротное уравнивание ясачного и чернососного, русского и нерусского крестьянства было осуществлено с введением подушной подати и с созданием 26 июня 1724 г. единого разряда государственных крестьян. При этом податные тяготы, сочетавшие общегосударственные сборы и специфические налоги типа пошлыны «с иновеческих свадеб», «с домовых бань», «с мечетей и молебниц», «за винное курение, пивное варение и медовые ставки», возросли настолько, что вятский воевода Чаадаев вынужден был запрашивать Сенат, как собирать подати с нерусских крестьян Каринского стана, ввиду того, что на них «наложен оклад тяжкой, и ежели такие наши денги доправлены будут, то-де оне разорены будут»⁶³.

Петровская эпоха ознаменовалась ликвидацией еще одной уступки удмуртским крестьянам: наряду с другими податными сословиями они стали привлекаться к рекрутской службе и к поставке работных людей. Мобилизации работных людей на строительство городов и крепостей начались с 1701 г. В 1705 г. каринские удмурты писали, что «и работных людей к городу Архангельскому дают все в ряд с уездными и волостными русскими крестьяны с 5 дворов по человеку и на дачу им, работным людям, кормовая денги, на покупку лошадей и к городскому делу всякие припасы дают же». Нерусские ясачные крестьяне Казанского уезда ежегодно поставляли по 2 900 человек для работы в Петергофе, по 393 конных работника с подводами для нужд Казанского адмиралтейства, по 1 конному работнику с 206 ясаков на строительство

гаваней⁶⁴. По-видимому, к набору рекрутов с удмуртов окончательно приступили после появления указа Петра I от 1722 г. По ведомости Вятской провинциальной канцелярии с 1720 по 1734 гг. с каринских удмуртских и бесермянской долей в рекруты были мобилизованы 425 человек⁶⁵.

Поставленное в жесткие условия и будучи убежденным, что правительство нарушило свои обязательства перед ним, удмуртское крестьянство искало новые адаптивные модели поведения. Ответом на правительственные инновации стали волнения и мятеж, разрушившие отношения, которые складывались в течение XVI–XVII вв. в упорной борьбе и во взаимных компромиссах с властью. Очевидно новая реальность перестала укладываться в принятую удмуртами картину мира, и традиционное сознание после масштабных преобразований, как и в середине XVI в., стало утрачивать необходимые адаптивные свойства. Как отмечают исследователи, в таких обстоятельствах конфликтность этноса по отношению к внешнему миру резко возрастает⁶⁶. Удмурты, как и остальное нерусское население Казанского уезда, поддержали башкирское восстание, которое развернулось в 1705–1711 гг. В первой половине 1708 г. Казанский уезд стал главным театром повстанческой борьбы, требования выдвигались от имени всех населяющих его народов, «чтоб с них, с башкирцев, и с татар, и с вотяков, и с черемисы для их скудости новонакладную на них прибыль снять». Среди предводителей восстания оказался удмурт Юбраш Никита. Заволновались и северные удмурты. Восстание было подавлено, началось взыскание «денежного и хлебного ясака, старого и новонакладного». Однако еще в 1714 г. удмурты, марийцы и чуваша продолжали оказывать сопротивление сбору новых натуральных повинностей. Мятежные выступления удмуртов вызвали и действия правительственных органов по пресечению их бегства в Башкирию.

Целой серией открытых выступлений крестьян-удмуртов сопровождалось введение подушной подати. Попытки начать ее сбор по Арской и Зюрейской дорогам завершились неудачей. В удмуртской сотне Кадыра Кадреква «татара и вотяки собрались на стан человек по 1 000 и более, сотников и зборщиков отбили и, денег не дав», выслали сборщиков «из сотни вон». Прибывшего в Пронкину сотню Янмурзина поручика Чернавского с карательной командой восставшие «били смертным боем». После подавления мятежных выступлений в ходе следствия выяснилось, что движение исподволь и основательно готовилось общинным руководством: летом 1724 г. сотник Кадыр Кадреква ездил по всем деревням своей сотни и приказывал собраться «для совету, чтоб подушных и штрафных денег не давать». Ослушников мирской воли предлагалось «рубить»⁶⁷.

Когда мятежные действия были подавлены, удмуртские крестьяне стали искать менее деструктивные механизмы адаптации, дающие возможность использовать для выживания определенные недочеты бюрократического аппарата. Общинное руководство постепенно овладевало русским языком, прилежно изучало российское законодательство. «Смирение» и незнание русского языка, которое неизменно подчеркивалось в челобитных, стало в XVIII в. не столь беспросветным. Среди материалов сыска А.И. Челищева сохранилось любопытное дело о печатном экземпляре Соборного уложения 1649 г., который принадлежал Чепецкой нижней доле. Целовальник доли Богдан Дружкин передал его для «списывания» представителю Верхочепецкой доли Ивану Князеву. Последний, вероятно не без умысла, скрылся, не возвратив книгу, а его отец под любым предлогом пытался задержать возврат тома. Богдан Дружкину, от которого общинники настоятельно требовали немедленного отчета, пришлось выкупать книгу за 3 руб. Все это свидетельствует о том, что свод законодательных актов не лежал мертвым грузом, а активно использовался в повседневной жизни удмуртской общины. Он был настолько необходим во взаимоотношениях с местной властью и правительственными органами, что община, не имевшая печатного экземпляра, пыталась обзавестись хотя бы рукописной копией⁶⁸.

Будучи окончательно уравниваемыми в податях и повинностях с русскими крестьянами, удмурты исподволь учились у них формам и способам успешной адаптации к

фискальной системе Российского государства. Для временного облегчения податного бремени удмурты стали в периоды переписей и ревизий скрывать число дворов и жителей в них. Так, в 1711 г. Сенат рассматривал особое дело об убыли населения Арской дороги, для расследования был направлен капитан Юрьев. Он выявил, что в 8 сотнях Арской дороги было утаено от переписи 1710 г. 6 807 человек, в том числе 2 316 мужчин и 687 женщин были зафиксированы среди беглых, 983 человека – среди умерших, на деле же оказалось, что они продолжают жить в своих селениях⁶⁹. Целые реестры неучтенного населения обнаружила и ревизия сведений первой подушной переписи. Так, в Верхочепецкой V доле Слободского уезда утаенные составили по отношению ко всему зарегистрированному населению 41%. Кроме того, удмурты не склонны были заносить в ревизские сказки больных, увечных и малолетних детей, простодушно объясняя, что они «все равно умрут», а подати за них придется платить до следующей ревизии⁷⁰. Бегство становилось и способом избежать рекрутчины: удмурты редко добирались до назначенного места службы, они бежали и жили, скитаясь. Так, только с февраля по март 1730 г. из взятых в рекруты каринских удмуртов и бесермян бежали 24 человека, в январе 1732 г. из Военной коллегии в Слободскую воеводскую канцелярию сообщалось, что в полки не явились 13 человек⁷¹. История, рассказанная беглым рекрутом новокрещеным удмуртом Борисом Васильевым в 1754 г., повторяется во многих источниках. При допросе в Слободской воеводской канцелярии он показал, что в 1722 г. был взят в рекруты, но с дороги бежал и жил «Казанского уезда в кильмезских вотях у разных новокрещен». Только через несколько десятилетий Б. Васильев вернулся в родную деревню Тюптигурт Пургинской доли и жил, не скрываясь от мирских людей и ценовальников, но в 1754 г. был арестован деревенским десятником и отправлен в г. Слободской⁷². Опасаясь поддержки «инородцами» башкирских восстаний и пытаясь уменьшить масштабы бегства, Сенат распорядился в апреле 1735 г. «рекрут из мордвы, чуваш, черемис и вотяков» отправлять в Остзейские гарнизонные полки. В 1735 г. указ был подтвержден императрицей Анной Иоанновной⁷³.

Петровская эпоха ознаменовала активизацию еще одного направления интеграции нерусских народов в единую государственную систему через создание единого профессионального пространства. В первой четверти XVIII в. в политике христианизации преобладали методы поощрения: указ от 1 сентября 1720 г. освободил новокрещенцов от платежа податей на три года, указ от 2 ноября 1722 г. – от рекрутской повинности, указ от 25 июня 1723 г. – от наказаний за утайку душ во время подушной переписи. Эти меры на удмуртов почти не подействовали: как отмечал Луппов, «среди народов Поволжья удмурты дали новокрещенных всего менее»⁷⁴. Начиная с 1740 г. правительственная политика перекладывания податей и повинностей с крестившихся на язычников поставила удмуртский этнос перед очередным выбором: адаптироваться, надев на себя личину христианина, или оставшись в язычестве, поставить под угрозу будущее народа. К концу XVIII в. большинство удмуртов, проявив гибкость и рационализм, формально приняли христианство, хотя продолжали идентифицировать свою этническую сущность с удмуртским языком и язычеством.

Таким образом, удмурты, поставленные перед необходимостью развиваться и сохранять свою идентичность в составе Российского государства, адаптировались, участь на ходу, перенимая опыт у своих собратьев – русских крестьян. Стремление к изоляции от внешнего мира, уход в неосвоенные лесные пространства постепенно сменялись настойчивыми обращениями к высшей власти с требованиями облегчить податное бремя и улучшить социальное положение. Власть, в свою очередь, предпринимала шаги по облегчению процесса адаптации. Временные уступки правительства рождали убеждение, что царю и его окружению безразлична судьба удмуртского народа, и при настойчивости и приложении усилий можно добиться справедливости.

Примечания

- ¹ Гришкина М.В. Экологическое сознание и поведение удмуртов // *Finno-ugrika*. Казань, 2007. № 10. С. 144.
- ² ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 279; Т. 37. Л., 1982. С. 50; Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК 1475–1605 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 29.
- ³ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 211.
- ⁴ Там же. С. 221.
- ⁵ Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 18, 32.
- ⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.
- ⁷ Там же. С. 527.
- ⁸ Там же. С. 238–239.
- ⁹ Там же. С. 247, 269–270.
- ¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. М., 1989. С. 135.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 282.
- ¹² Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 97–98.
- ¹³ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 281–282; РК 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. С. 42.
- ¹⁵ Гришкина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XIX в. Ижевск, 2006. С. 15–35.
- ¹⁶ Трепавлов В.В. Присоединение народов и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2006. С. 199.
- ¹⁷ Гришкина М.В. Поземельные отношения на севере Удмуртии в XVI–XVII вв. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 7.
- ¹⁸ История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. Эпоха феодализма. Йошкар-Ола, 1992. С. 106.
- ¹⁹ Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 37.
- ²⁰ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 45.
- ²¹ Приложение к «Материалам по статистике Вятской губернии». Т. 1. Малмыжский уезд. Вятка, 1886. С. 5.
- ²² Гришкина М.В. Служилое землевладение... С. 37–40.
- ²³ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 209; ПСЗ-I. Т. 3. СПб., 1830. Ст. 1579.
- ²⁴ Димитриев В.Д. «Царские» указы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашии АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 292–305.
- ²⁵ История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. С. 106.
- ²⁶ Эммауский А.В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 163.
- ²⁷ РГАДА, ф. 248 (Сенат и его учреждения), оп. 3, кн. 100, д. 27 (1709 г.), л. 358 об. – 359.
- ²⁸ РГАДА, ф. 16 (XVI разряд Госархива), оп. 1, д. 712 (1711–1713 гг.), л. 3 об.
- ²⁹ Там же, ф. 1113 (Вятская приказная изба), оп. 1, д. 4 (1615 г.), л. 17.
- ³⁰ Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 104–105.
- ³¹ Луппов П.Н. Удмуртские «доли» в XVII–XVIII вв. // Записки Уд НИИ. Сб. 9. Ижевск, 1940. С. 10.
- ³² Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958. С. 255.
- ³³ Там же. С. 330.
- ³⁴ Луппов П.Н. Удмуртские «доли»... С. 12–13.
- ³⁵ Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке. С. 112.
- ³⁶ РГАДА, ф. 573 (Слободская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 123 (1769 г.), л. 231.
- ³⁷ Бушуева В.Л. О социально-экономических отношениях в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII–XVIII вв. // История СССР. 1962. № 4. С. 122. Характерно, что и в южноудмуртских сотнях должности сотников иногда брали на себя татары, такие как Бегаш Ямеев, перехвативший должность сотника от удмурта Янтугана Матвеева.
- ³⁸ Бушуева В.Л. Разложение тяглых общин удмуртских крестьян Хлыновского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. // Ученые записки Стерлитамакского госпединститута. Вып. 3. Стерлитамак, 1960. С. 32–33.

- ³⁹ Бушуева В.Л. О социально-экономических отношениях... С. 130.
- ⁴⁰ РГАДА, ф. 425 (Вятская воеводская канцелярия), оп. 2, д. 6 (1723 г.), л. 56–56 об.
- ⁴¹ Там же, оп. 5, д. 26 (1724 г.), л. 51–51 об.
- ⁴² Документы по истории Удмуртии... С. 95–99.
- ⁴³ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 8, д. 170 (1700–1701 г.), л. 54.
- ⁴⁴ Документы по истории Удмуртии... С. 132–133.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 4, д. 314 (1670 г.), л. 2–3 об.
- ⁴⁶ Документы по истории Удмуртии... С. 120, 134, 141.
- ⁴⁷ РГАДА, ф. 141, оп. 8, д. 183 (1701 г.), л. 2; д. 277 (1704 г.), л. 28 об. – 30.
- ⁴⁸ Там же, ф. 1040 (Малмыжская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 11 (1756 г.), л. 1–3 об.
- ⁴⁹ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 30–31.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 573, оп. 1, д. 130 (1772 г.), л. 534 об.
- ⁵¹ Документы по истории Удмуртии... С. 364–367.
- ⁵² Там же. С. 116–124.
- ⁵³ Гришкина М.В. Удмурты: этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 67–90.
- ⁵⁴ РГАДА, ф. 141, оп. 8, д. 277 (1703 г.), л. 469 об. – 470, 478 об. – 480. См. также: Документы по истории Удмуртии... С. 154–165.
- ⁵⁵ Покровский Н.Н. О поземельной структуре крестьянской общины русского Севера. XV – первая половина XVI в. // Бахрушинские чтения. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 13–14.
- ⁵⁶ Документы по истории Удмуртии... С. 151.
- ⁵⁷ Там же. С. 156.
- ⁵⁸ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма... С. 88.
- ⁵⁹ РГАДА, ф. 248, оп. 2, кн. 19, д. 50 (1715 г.), л. 283 об. – 290.
- ⁶⁰ Там же, л. 319.
- ⁶¹ Там же, л. 306–306 об.
- ⁶² Там же, ф. 573, оп. 1, д. 1 (1729–1730 гг.), л. 81–83 об.
- ⁶³ Там же, ф. 248, оп. 4, д. 156 (1720 г.), л. 401–405.
- ⁶⁴ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии... С. 144, 147.
- ⁶⁵ РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 52 (1735 г.), л. 34–35 об.
- ⁶⁶ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 336.
- ⁶⁷ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии... С. 167–169.
- ⁶⁸ РГАДА, ф. 131 (Татарские дела), оп. 1, д. 1 (1702 г.), л. 156–162.
- ⁶⁹ Там же, ф. 248, оп. 3, кн. 101, д. 4 (1711 г.), л. 463–470 об., 525–530.
- ⁷⁰ Там же, ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), оп. 3, д. 5877 (1722 г.), л. 119–145, 189–226; ф. 573, оп. 1, д. 91 (1755 г.), л. 209–213 об.
- ⁷¹ Там же, ф. 573, оп. 1, д. 2 (1730 г.), л. 186–187 об.; д. 3 (1732 г.), л. 22–24.
- ⁷² Там же, д. 90 (1754 г.), л. 32.
- ⁷³ ПСЗ-I. Т. 9. СПб., 1830. № 6721; РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 450 (1735 г.), л. 921–922 об.
- ⁷⁴ Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 1999. С. 106–108.

© 2010 г. Е. И. КОРНЕЕВА*

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНОСТРАННОГО ТУРИЗМА В СССР В 1920–1930-х годах

Первый туристический поток в Советскую Россию в начале 1920-х гг. поставил перед властями задачу комфортного размещения в городах иностранных гостей. В августе 1922 г. по распоряжению НКВД и подведомственного ему Бюро по обслуживанию иностранцев в Петрограде была открыта единственная в своем роде гостиница «Европейская». Уже в 1926 г. в ней было 253 номера, а для иностранцев делались

* Корнеева Евгения Ивановна, заведующая сектором Института туризма и гостеприимства (Московский филиал Российского государственного университета туризма и сервиса).